

образом проводит иной счастливый мальчик большую часть дней целой недели и приобретает гнусную привычку оставаться целые часы ничего не делая и ничего не думая. Надеяться на самый интерес и занимательное изложение предмета можно только, и то не всегда, в университетах, но в средних и низших учебных заведениях нельзя ожидать, чтобы ученик сам увлекался предметом, но должно иметь методу, которая помогает учителю держать внимание всех своих слушателей постоянно в возбуждённом состоянии. Не спорим, что это трудно, и для учителя, и для ученика, но лучше сократить время классов на половину. Мы постараемся вскоре изложить некоторые приёмы такой методы возбуждения классного внимания, но здесь скажем только, что ни один наставник не должен забывать, что его главная обязанность состоит в приучении воспитанников к умственному труду и что эта обязанность более важна, нежели передача самого предмета.

Таким образом, воспитание должно неуспешно заботиться, чтобы, с одной стороны, открыть воспитаннику возможность найти себе полезный труд в мире, а с другой — внушить ему неуто-

лимую жажду труда. Чем обеспеченнее будущее состояние воспитанника, чем менее предвидится для него насущных потребностей, вызывающих поневоле на труд, тем более должен расширяться перед ним горизонт мира, в котором для всякого, кто понимает назначение жизни человека и научился сочувствовать интересам человеческого труда, найдётся довольно почтенного и полезного труда. Чем богаче человек, тем выше, тем духовнее, тем более философское должно быть его образование, чтобы он умел сыскать себе достойный труд по сердцу. Бедняка труд и сам найдёт: довольно, если он будет готов его выполнить.

Возможность труда и любовь к нему — лучшее наследство, которое может оставить своим детям и бедный и богач.

Труд, конечно, бремя, но бремя, без которого возможное соединение человеческого достоинства и счастья невозможно, — бремя, которое должен нести человек, если хочет прийти к тому невозмутимому спокойствию, к которому призываются только трудящиеся и обременённые.

1860 г.

Фрида Вигдорова УЧЕНИК

1 апреля исполняется двадцать лет со дня смерти А.С. Макаренко. Великие перемены произошли за это время в нашей стране, но и сейчас по-прежнему, а может быть, больше, чем прежде, живы и действенны книги Макаренко, его дела и мысли — всё, что создано и оставлено нам в наследство этим замечательным советским педагогом и писателем, человеком, которого по праву можно назвать неутомимым поэтом воспитательского труда, вдохновенным инженером детских душ.

Сейчас народ наш осуществляет благотворную реформу школы, сближая школу с трудом и жизнью. Это глубоко созвучно тому, о чём мечтал Макаренко, что было главным в его педагогических воззрениях и педагогической прак-

тике: труд, коллектив, теснейшая, кровная связь воспитания и обучения с жизнью трудовой страны, с жизнью советского народа.

И поэтому значительна, полна глубокого смысла работа каждого педагога и каждого писателя, работающего «по Макаренко» или рассказывающего о его живом, драгоценном наследии.

Эту работу уже не первый год выполняет писательница Ф.А. Вигдорова. Сейчас она закончила третью повесть из цикла, посвящённого А.С. Макаренко и его ученикам. С отрывками из этой ещё нигде не публиковавшейся повести мы и хотим ознакомить нашего читателя.

В первых двух повестях («Дорога в жизнь» и «Это мой дом», о которых мы рассказали в № 3 журнала за 1958 год) ученик А.С. Макаренко Семён

Афанасьевич Карабанов становится во главе детского дома, продолжая дело своего учителя. В новой, третьей, повести, действие которой разворачивается в годы Великой Отечественной войны, жена и друг Карабанова Галина Константиновна после ухода мужа на фронт заменяет его.

В публикуемых отрывках из новой повести читатель, кроме Галины Константиновны, от имени которой ведётся рассказ, встретится и с другими уже знакомыми ему людьми: старым преподавателем Владимиром Михайловичем и — в прошлом одним из самых «трудных» воспитанников Карабанова — Андреем Репиным. Теперь это молодой, начинающий учитель.

Но учитель Андрей Репин в то же время во втором поколении является учеником Макаренко, продолжателем его дела, унаследовавшим и творческую смелость своего учителя, и его живую, горячую, действенную, лишённую всякой сентиментальности любовь к детям.

Перед читателем пройдёт и ряд ещё неизвестных ему персонажей. Это группа эвакуированных из Ленинграда во время блокады ребят. Это ребята из школы, где учатся воспитанники детского дома, руководимого Галиной Константиновной. Это, наконец, Ангелина Валерьяновна, учительница школы, противопоставленная, как заметит читатель, «Черниговке».

Новая повесть публикуется полностью издательством «Советский писатель».

* * *

Сережу не все и в лицо-то запомнили — он пришёл и ушёл безмолвно. Но от этой безмолвной и словно бы незаметной гибели на всё легла холодная тень. Ленинградцы сбились вокруг Владимира Михайловича, и на их лицах был тяжкий испуг. У них не было сил горевать, не было сил плакать. Им не хотелось вставать по утрам, а я суеверно боялась оставлять их в постели. Владимир Михайлович подходил к каждому и с мягкой настойчивостью заставлял одеваться.

— К завтраку чай с молоком и каша, — говорил он. — Хорошо выпить горячего чаю с молоком. Вставай, Витюша, давай я тебе помогу. Гриша, а где же твои башмаки? Мне трудно на-

гибаться, ну-ка, вытащи их из-под кровати. Да смотри, больше не заталкивай так далеко...

Тёма Сараджев был единственный живой среди них, не сломленный, он и горевал как живой человек, кто вопреки всему радовался новым товарищам, солнцу, снегу, деревьям.

— Так надоело в поезде. Утром встаёшь, вечером ложишься, и всё одно и то же — поезд и поезд! — говорил он, выглядывая в окно, щурясь от солнца. — Мне нравится тут у вас.

Тёма вставал вместе со всеми и тотчас спрашивал Владимира Михайловича:

— А мне что делать?

— Помоги Грише зашнуровать башмаки... помоги Вите умыться...

И Тёма шнуровал башмаки, заботливо помогал умываться и всё делал охотно, без скрипа,

— Сережа был очень хороший, — рассказывал он мне. — Умный. Не жадный. Справедливый. Один раз... один мальчик... Неважно кто... просто один мальчик должен был делить хлеб и себе взял больше и Сереже дал больше, а другим меньше, Сережа ему сказал: — Не надо, я хочу, чтоб всем поровну. Он был маленький, но очень справедливый. Когда у меня был день рождения, он отдал мне свой сахар. Большой кусок — знаете, не пыльный, а колотый — вот такой кусок. Я не хотел брать, а он сказал: — Ведь у тебя день рождения!.. Он был очень хороший, и я его любил как брата.

— А у тебя есть братья?

— Нет, я один. Это плохо, правда? У каждого человека должен быть брат или сестра. Но, по моему, брат лучше.

Однажды ребята готовили уроки. Тёма Сараджев сидел поодаль и что-то писал в тетрадке, сшитой из листов оберточной бумаги. Когда я подошла, он быстро закрыл тетрадку.

— Я не смотрю, — сказала я, проходя, — пиши спокойно.

Он сильно покраснел и, удерживая меня за руку, сказал:

— Это не секрет, вот прочитайте. Я давно уже записываю, но это не секрет.

Он говорил настойчиво, и чтоб он не подумал, будто я обиделась, я села рядом и открыла тетрадку. На первом листе наискось было написано крупными буквами: «Собственноумные мысли». На следующей странице шли такие записи:

*Сердце непорочным в жизни сохрани,
Чтобы тень не пала на былые дни.*

Аветик Исаакян

«Больше всего любите единение, потому что это сила, рассекающая горы, разрушающая преграды, останавливающая течение рек. Приучайтесь жертвовать единению самым дорогим для вас, и оно принесёт вам и вашим детям то счастье, которое ищут многие, но находят далеко не все».

Геворк Марспетуни

*Мой друг,
Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Пушкин*

*Лучше потерять глаз, чем доброе имя
(пословица).*

Цену дороги знает конь, цену правды — человек (пословица).

*Лучше смерть, но смерть со славой,
Чем бесславных дней позор.
«Витязь в тигровой шкуре»*

«Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России».

Салтыков-Щедрин

— Но ведь это не твои мысли? Вот это, например, Щедрин сказал.

— Ну и что? Я тоже так думаю, — ответил Тёма. — Разве Щедрин неправду говорит? Он говорит в точности, как я думаю, вот я и записал.

В тетрадке под названием «Собственноумные мысли» было много интересного и неожиданно. Я читала, не отрываясь. Кроме заимствованных умных мыслей, тут были и свои:

«Главное в человеке — это справедливость. А. Сараджев».

«Не прощай обиды. А. Сараджев», «Защищай слабых. А. Сараджев». «Друг — это все. А. Сараджев».

— Мне очень ваши ребята нравятся, — услышала я голос Тёмы. — Но больше всех —

Наташа и Женя. И ещё мне нравится, что над ними никто не смеётся. У нас в классе или во дворе, например, обязательно бы смеялись. И дразнили. А у вас нет. Это хорошо.

Да ты наблюдательный, подумала я. И умные мысли у тебя, оказывается, не только из книг, но и свои собственные.

Тёма Сараджев пошёл в школу, как только окончился введённый из-за скарлатины карантин. Он пошёл в шестой класс и сел за одну парту с Наташей Шереметьевой.

— Ты не возражаешь, что я сел с Наташей? — спросил он Женю. Тот вскинул удивлённые глаза:

— А почему я должен возражать?

— Я буду ей, как брат, — сказал Тёма.

— А я ей — дедушка, что ли? — ответил Женя, не желая понимать истинного смысла Тёмных слов.

Тёма отстал почти по всем предметам, но голова у него была хорошая, и он быстро начал догонять.

В эти же дни пошёл в школу и Андрей — работать. Ему дали второй класс (на время, пока учительница лежала в больнице) и шестой класс: учительница получила вызов в Москву. В шестом Андрей должен был вести русский язык и литературное чтение.

— Зачем ты взял малышей? Что ты с ними будешь делать? Разве ты сумеешь с ними? — недоумевала я.

— Хочу попробовать. И потом — это ведь ненадолго, только на месяц-другой.

...Однажды вечером, проверяя тетради, Андрей вдруг засмеялся и протянул мне листок, исписанный косым неровным почерком:

— Вот, писали сочинение на вольную тему. Поглядите, что написал Сараджев.

Я стала читать: «Я заснул сладким сном. Темнота, которая застилала мои глаза, вдруг исчезла. Я очутился в каком-то новом мире, где всё мерцало светом, очень похожим на лунный. Вдруг передо мною появилась — лестница, и конца ей не было видно. Поднявшись на первую ступеньку, я почувствовал, что лестница сама поднимает меня вверх, прямо как на эскалаторе в метро, и стал думать, какая это станция. Но вдруг лестница остановилась перед воротами с вывеской, на которой было написано золотой

краской: «рай». Я постучал в ворота. На стук вышел несимпатичный сгорбленный старичок с редкой, редкой бородкой. Он сказал: «Я — святой Пётр. Чего тебе надобно?»

Я не знал, что ответить. Тогда привратник вытащил волосок из своей бороды (вот почему она такая редкая!) и три раза хлопнул в ладоши. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетели какие-то чертенята, схватили меня и... я проснулся.

День прошёл хорошо. Только в школе на последнем уроке я нечаянно получил «плохо», потому что не выучил домашнего задания. В этом, несомненно, виноваты чертенята и святой Пётр».

Тёма Сараджев говорил по-русски хорошо, но с едва заметным акцентом, иногда он с неожиданным чувством подчёркивал какие-то слова, получалось забавно и очень выразительно. Сейчас, читая, я слышала, как он всё это произносит, и смеялась.

— Что же ты ему поставишь?

— Отлично. И припишу: «А всё-таки нельзя превращать работу в шутку». Это я припишу для начальства... На всякий случай.

— Ты предусмотрительный!

— А как же!

Тёма не был озорником, но с первых же дней учёбы стал попадать в какие-то сложные истории.

— Галина Константиновна, — сказал он, вернувшись из школы на третий день. — Вот как вы скажете? В классе три мальчика. Назовём их, ну, предположим, А, В и С. «А» и «В» подрались, «С» стал их разнимать и нечаянно толкнул локтем пузырек с чернилами, и они пролились. Вошёл учитель и спрашивает: кто это сделал? И «А» и «В» сказали на «С». Как вы считаете, справедливо они поступили?

— «С» — это ты?

— Да, а как вы догадались?

— По-моему, тебе незачем было дожидаться, пока они скажут. Ты просто сам должен был сказать: «Это я пролил». По-моему, это было бы самое правильное.

— Да, надо было самому сказать. Но, знаете, я просто не успел. Они сразу выскочили. И я думаю — это не по-товарищески. Тем более, что я их разнимал.

Через несколько дней — новое происшествие.

В шестом классе учился с Наташей и Тёмой Игорь Буланов. Наши ребята не очень любили его. «Задаётся!» — слышала я не раз. «Воображала! Всё отцом хвастает — мой папа то, да мой папа сё». К нам в гости ходило много ребят из школы, Игорь не бывал никогда. Оно и понятно: после размолвки, что была у нас с его матерью, ему, вероятно, запретили навещать «детдомовских». Да, пожалуй, он бы и так не ходил — у него не было дружбы ни с кем из наших. Но и громких ссор, открытой вражды тоже не было. И вот, вскоре после того, как Тёма стал ходить в школу, Игорь вбежал в класс и, натолкнувшись в дверях на Сараджева, крикнул:

— Эй, армяшка, посторонись!

Стоявшая подле Наташа схватила Игоря за галстук:

— А ещё пионер называешься! Фашист ты! Игорь попытался вырваться, но Наташа крепко держала его. Тогда Тёма, как говорили всё в один голос, очень спокойно отвёл Наташину руку, сказал: «Не надо меня защищать, я сам» — и тут же с маху ударил Буланова. Тот не остался в долгу, и началась драка. Силы были неравные: Буланов — сытый, крепкий мальчишка, а Тёма перенёс ленинградскую зиму, долгую тяжкую дорогу и только-только нашёл себе пристанище. Но дрался он так, что никто не посмел вмешаться или остановить, помочь — он не защищался, он бил наотмашь, не глядя, не замечая крови, хлынувшей из носу, не чувствуя ударов: слепо, упорно, беспощадно.

— Что здесь происходит? — спросил Андрей, останавливаясь в дверях. И так как его просто не услышали, он подошёл к мальчикам, схватил обоих за шиворот и разнял. Они ещё попытались рвануться, но... куда там.

— Андрей Николаевич их держал по-железному, — рассказывала мне после Наташа, — они двинуться с места не могли. Прямо к полу пригвоздил.

Потом Андрей развёл мальчишек по местам, вытер Тёме лицо своим платком и велел сесть, запрокинув голову.

— Молчи, — сказал он и обратился к Буланову: — Чего вы не поделили?

— Он меня первый стукнул.

— За что?

Без малейшего смущения Буланов ответил: — Я ему сказал «армяшка».

— А! — сказал Андрей. — Садись!

И ребят поразило, что он сказал ещё, почти как Наташа:

— Зачем ты носишь этот галстук? Я на твоём месте снял бы его.

— При чём тут галстук? — закричал Буланов. — Если из-за каждого слова — в морду...

— Смотря какое слово. Тебе, Сараджев, надо спуститься к врачу. — Тёма молча помотал головой. — Шереметьева, возьми платок и поди намочи холодной водой.

Наташа слетала во двор, принесла в платке снега, и Андрей положил его Тёме на переносицу. («Так было стыдно сидеть задрав голову, — объяснял мне после Тёма, — как будто я больной. А чуть поднимусь, кровь опять течёт... Но Буланов тоже, — добавил он мстительно, — был весь в синяках. Я на него поглядел — нос распух и под глазом здоровый синячище. Вот только кровь не шла», — прибавил Тёма с сожалением.)

— У тебя есть кто-нибудь на фронте? — спросил Андрей Буланова.

— Брат. А что?

— Твой брат воюет за то, чтобы все люди были равны. Чтоб не было этих подлых слов — армяшка, жид... А ты...

— А она... Шереметьева — обзывает фашистом! Это лучше, да? Лучше?

— А кто же ты? Это только фашисты разделяют людей по нациям и унижают всех, кроме себя. Всякий, кто говорит про другую нацию с неуважением, — фашист, учти это и запомни.

— Андрей Николаевич! — сказала Аля Тугаринова, староста класса, — но это же всё-таки неправильно, что Сараджев его ударил. Ведь можно было разобрат на Совете отряда? И вынести выговор или снять галстук... Зачем же драться?

Андрей молчал.

— Андрей Николаевич? — вопросительно повторила Тугаринова.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответил Андрей. — Боюсь, что я поступил бы, как Тёма.

— Значит, если обзывают фашистом, — это ничего, а если армяшкой... — сказал Буланов.

Платок со снегом полетел на пол. Тёма вскочил. Наташа схватила его за руку и заставила снова сесть.

Андрей начал урок...

— Речь шла о сложноподчинённых предложениях, но я как-то сомневаюсь, усвоили ли они то, что я им толковал, — сказал он мне вечером.

На другой день Андрея и меня вызвала к себе классная руководительница шестого класса.

— Вы плохо начинаете, Андрей Николаевич, — сказала Ангелина Валерьяновна, смягчая свои слова улыбкой. — Вы ещё очень молоды и неопытны, и потому я хочу сразу же поговорить о ваших ошибках. Что же вы сделали? Поощрили драку, не осудили драку, оправдали драку, объявили, что зачинщик был прав, да ещё вдобавок ко всему подтвердили, что Буланов — фашист. Сами рассудите, можно ли бросаться такими словами? Да ещё учителю!

— Ангелина Валерьяновна, а что такое, по вашему, фашизм?

— Андрей Николаевич, зачем нам пускаться в философские споры? Вопрос очень ясен, я бы сказала — кристально ясен. Я сейчас не смогу провести всё это через совет отряда, через общественное мнение, потому что дети будут ссылаться на вас, а я не считаю возможным подрывать ваш авторитет. Но мне важно, чтобы вы поняли свою ошибку.

Наступило молчание. Ангелина Валерьяновна сидела у стола — спокойная, суховатая, не слишком суровая. У неё была очень гладкая причёска и очень прямой пробор, очень белый воротник и очень строгий костюм. Она вразумляла Андрея мягко, но внушительно. Я слушала её, и меня почему-то никак не оставляла мысль, что ей решительно наплевать и на Андрея, и на Тёму, и на драку — ей просто важно, чтобы в её классе не было «нарушений». С ней нельзя было спорить, с ней можно было только соглашаться, точнее — слушаться её. Она к этому привыкла и этого ждала сейчас от начинающего, неопытного учителя Андрея Николаевича Репина. Начинаящий учитель слушал её спокойно (о, спокойствия ему было не занимать! Я помнила его мальчишкой, его и тогда было трудно сбить — самые неожиданные вести он принимал так, будто ничего другого и не ждал).

— Ангелина Валерьяновна, — повторил Андрей снова, — а что такое фашизм? Одна из его разновидностей — расизм, пренебрежение ко всем нациям, кроме одной — своей. И если Буланов

говорит «армяшка» — это зерно, из которого потом вырастет всё остальное.

— Не надо преувеличивать, Андрей Николаевич!

— Значит, Аркадий Гайдар тоже преувеличивал? Помните, в «Голубой чашке» мальчишка оскорбляет девочку-еврейку подлым словом, и ему отвечают, как Шереметьева ответила Буланову: — Ты фашист. По-моему, это правильно!

— Я вызвала вас сюда не для литературного спора, я хочу, чтобы вы поняли свою ошибку.

— Я её не понял, — ответил Андрей так же спокойно, сухо и в то же время доброжелательно — так же, как говорила Ангелина Валерьяновна.

С увлечением следила я за этой холодной дуэлью.

Словно не слыша последних слов Андрея, Ангелина Валерьяновна обратилась ко мне:

Галина Константиновна, я должна сказать, что ваши дети несколько беспокоят меня. Я довольна их успеваемостью. И за исключением сегодняшнего случая — я имею в виду Шереметьеву и Сараджева — я не знаю за ними серьёзных нарушений. Но есть поступки, которые не укладываются ни в один параграф, и всё же они являются нарушением. Вот, например, Дмитриев ведёт неподобающие разговоры. Неподобающие разговоры, которые совершенно не к лицу советским детям. На уроке истории он спрашивал, как получилось, что гитлеровцы захватили всю Украину и Белоруссию. Он ссылаясь на то, что у нас говорилось: ни одной пяди своей земли не отдадим... Как, по-вашему, уместны такие вопросы?

— По-моему, ребята могут спросить учителя обо всём, чего они не понимают. Гораздо хуже, если они не спрашивают.

— Мне жаль, что они не понимают. Им это должны были разъяснить дома. Незачем приводить подобные разговоры в школу. Другой случай. В седьмом «Б» Геннадий Фёдорович поставил «отлично» Косоурову и «посредственно» Ковалёвой. Встаёт ваш Авдеенко и заявляет, что они отвечали одинаково и что это несправедливо. Как вы считаете, имеют ли учащиеся право корректировать действия учителя?

Что мне ответить ей? Наши ребята никогда не спорят насчёт отметок. Что поставлено, то и поставлено. Но уже давно я слышу, что

учитель математики Геннадий Фёдорович ставит отметки пристрастно. И что детям директора райторга он ставит «хорошо» и «отлично» в тех случаях, в каких другим ребятам не поставит и «посредственно».

— Опять же, Ангелина Валерьяновна, если Женя был неправ, пусть бы Геннадий Фёдорович объяснил ему. Хуже ведь, если ребята смолчат и уйдут из школы с чувством, что была совершена несправедливость.

— Удивительные у вас, Галина Константиновна, педагогические установки. Я даже не знаю, как их квалифицировать.

— Очень простая установка, — возразила я. — Ребята должны доверять нам и спрашивать обо всём, что они хотят узнать. И если им кажется, что мы поступаем несправедливо, пусть так и скажут. Так будет лучше, чем если они закрывают это про себя. Полное доверие, совершенное доверие — это первое чувство, которое должен внушить к себе учитель.

— Значит, вы думаете, что ваши ребята правы, а я — нет?

— Я думаю, что ребята вправе были спросить о том, чего они не понимали.

— Про вас говорят, что вы прямой человек, а вы отвечаете уклончиво. Я считала своим долгом сказать вам о том, что ваши воспитанники вносят в школу особого рода дезорганизацию. Дезорганизацию в мыслях. Я давно к ним приглядываюсь. Они необузданны в своих вопросах. Есть вещи, о которых надо тактично промолчать, вещи, не подлежащие обсуждению: мы ведь с вами взрослые люди и хорошо это понимаем. Вы согласны со мной?

— Нет, Ангелина Валерьяновна, не согласна. Она принуждённо улыбнулась:

— У меня сегодня неудачный день. В течение часа я пытаюсь объяснить Андрею Николаевичу его ошибку — он не может её понять. Я хочу добиться согласованности в наших с вами, Галина Константиновна, взглядах и действиях и тоже не могу похвастать успехом. Мне очень жаль. Я всё же прошу вас обоих подумать над нашим разговором.

Она помолчала и вдруг прибавила каким-то совсем другим, новым голосом:

— Я думаю, Андрей Николаевич, что отец Буланова обратит внимание на сегодняшнюю

историю. Его сына назвали фашистом, он этого так не оставит.

Вот что её точило! Вот чего она боялась!

— Он этого так не оставит, — повторила Ангелина Валерьяновна раздельно.

— А мне кажется, он именно оставит. И не будет вмешиваться. Я не уверен, что ему захочется объяснять, почему его сын называет своего товарища «армяшкой».

Я взглянула на Андрея. Он смотрел на Ангелину Валерьяновну прямо, спокойно, глаза в глаза.

— Галина Константиновна, и вы хотите сказать что Сараджев никак не будет наказан за драку, в которой он был зачинщиком?

— Не будет. Дома — не будет.

— Ангелина Валерьяновна, — произнёс Андрей, — а вы хотите сказать, что Буланов не будет наказан за свои подлые слова?

Не отвечая, Ангелина Валерьяновна снова обратилась ко мне:

— Вы считаете возможным разрешать серьёзные вопросы дракой?

— Нет, я не за драку. Но уж лучше драчун, чем равнодушная деревяшка.

И вдруг я поняла, что больше не в силах ей отвечать. Не могу я разговаривать на этом рыбьем языке: «Вы считаете возможным... Есть вопросы, не подлежащие обсуждению... Я не знаю, как квалифицировать вашу педагогическую установку...» Кажется, что сухой песок сыплется меж пальцев. Неживые, мёртвые слова, за которыми ничего нет — ни мысли, ни чувства...

Когда Андрей был мальчишкой, я не любила его. Но сейчас он вошёл в моё сердце прочно, глубоко. Будто я знала его целый век, знала каждый день его жизни. Ничто в характере и поступках Андрея больше не казалось мне неожиданным — даже то, что он взял второй класс. Поначалу я совсем не представляла себе, каков он с малышами. Но потом поняла — такой же, как и со взрослыми. Иногда, включая радио и слыша голос диктора или актёра, я с первого слова понимаю: это детская передача. Уж и не знаю, почему. Как будто речь идёт о вещах серьёзных, взрослых — и всё-таки сомнения нет: детская передача. Что-то в голосе настоящее, подсленное. Чуть-чуть настоящего, один звук —

а всё рушится. Этой ложной, фальшивой ноты не было ни в том, что говорил, ни в том, что делал Андрей. Он даже с Антошей держался просто, как с равным. И Антоша это очень ценил.

— Пусти меня к себе на урок во второй класс. Я хочу посмотреть, как ты с ними?

— Приходите, — ответил Андрей. — Хоть завтра! И я пришла. Я зашла в класс до звонка и сразу увидела Стёпу Ивашкина. В прошлом году я сидела у директора, когда Стёпа пришёл записываться школу:

— Документов нет, потеряли, — сказал он тогда. — Моё фамилии Ивашкин.

Директор Марья Сергеевна спросила, готова записать в книгу:

— Имя?

— Стёпа.

— Отчество? Он молчал.

— Что же ты молчишь? Какое у тебя отчество? Он молчал.

— Ну, как звали твоего отца?

— Не знаю.

У парнишки так потемнело лицо, так отяжелели веки и сжались губы, что я бы на месте Марии Сергеевны отступилась. Но она не унималась:

— Как это ты не знаешь? Имя своего отца не знаешь?

— Не знаю.

— Гм... Как же записать... Ну, как называет его твоя мать, когда говорит о нём?

— Кобель.

Не знаю, чего больше было в его голосе — тоски или вызова...

...Несмотря на малый возраст и мелкий рост Стёпа Ивашкин оказался одним из самых больших озорников в школе... Он рос, как сорная трава, без всякого присмотра. Я не раз подумывала о том, чтобы взять Стёпу к нам. Его мать почти не бывала дома, однажды сидела в тюрьме за недостачу (она работала кладовщицей в магазине); о мальчишке забывала по неделям, но когда в прошлом году классная руководительница заговорила с ней о детском доме, мать ответила:

— Нарожайте своих и отдавайте. А мой пускай будет при мне.

А мальчишка как был сам по себе, так и остался. Время от времени до меня доходили

слухи о каком-нибудь его новом подвиге: бритвой разрезал чьё-то пальто на вешалке, во время урока ходил по карнизу окна, чем едва не довёл до обморока старую учительницу...

Как только я вошла в класс, я тотчас увидела Стёпу. Ребята ещё не расселись по местам, до звонка оставалось минут пять. Стёпа стоял у доски и выводил на ней какие-то каракули.

— Ивашкин, положи мел! — молила его маленькая девочка с торчащими косичками. — Ивашкин, я же сегодня дежурная! Ивашкин, отойди! Мне надо стереть с доски, сейчас Андрей Николаевич придёт!

В голосе её звучали слёзы. Но Ивашкин и ухом не вёл.

Я подошла, взяла у него из рук мел и положила на место:

— Садись-ка, сейчас звонок.

Он, не сопротивляясь, отдал мел. Повернулся к окну, задумчиво посмотрел на улицу. Потом глубоко вздохнул, словно надумал что-то, и... полез на шкаф. Да, он взял стул, влез на него, потом левой ногой уперся в раму классной доски, подтянулся на руках и взлетел на шкаф, где и уселся, безмятежно глядя на меня сверху.

Дежурная чуть не зарыдала в голос:

— Ивашкин! Сойди! Ну что тебе, жалко? Сойди, говорю!

В эту минуту в дверях показался Андрей, и тотчас зазвенел звонок. Я уселась на заднюю парту, ожидая, что скажет, что сделает Андрей. Но он ничего не сделал. Он поздоровался с детьми, мельком взглянул на шкаф и отвернулся.

— Соня, кого у нас нет сегодня?

Встала дежурная и, тараща голубые глаза, ответила:

— Круглова Мити и Петушенко Нины. Они больные, Андрей Николаевич, а Ивашкин...

Андрей не дал ей договорить:

— Кто не сделал домашних уроков? Ты, Вова? Почему? Хорошо, объясню. Теперь давайте проверим примеры. Читай, Боря!

Боря встал и очень громко, словно звал кого-то с другого берега реки, прокричал:

— К двадцати шести прибавить семьдесят четыре, получается сто!!!

— У кого иначе? Что тебе, Соня?

— Андрей Николаевич! А Ивашкин...

— Я вижу, Соня. — Андрей подошёл к пустой парте, достал из полинявшей холщевой сумки тетрадку, развернул её и подал на шкаф Ивашкину. — Следующий пример читает Стёпа.

Ивашкин чуть охрипшим голосом произнёс:

— Восемьдесят девять прибавить пятьдесят три, выходит сто тридцать два.

По классу прошёл шум, поднялись руки.

— Таня, как у тебя?

— Сто сорок два!

— Люся, а как у тебя?

— Сто сорок два!

— Как ты считал, Стёпа? К восьмидесяти прибавить пятьдесят — сколько будет? Сто тридцать, правильно. Ну, а к девяти прибавить три? Ну, а теперь что надо сделать? К ста тридцати прибавить двенадцать — сколько же будет?

Проверка шла быстро, потом начался устный счёт. Андрей как будто кидал в класс мячик и снова ловил его — это походило на игру: — Ну-ка, от двадцати четырёх отнять тринадцать? Федя! Лева! Даша! Так! К сорока восьми прибавить девятнадцать? Соня! Вера!

Время от времени он «кидал мяч» на шкаф. Стёпа отвечал с переменным успехом — то верно, то врал.

Потом решали задачу, потом записывали домашнее задание — были в этом уроке лёгкость и веселье. Больше к Стёпе Андрей не обращался. Он словно забыл о нём. Он был безмятежен, спокоен, весел. Когда прозвенел звонок, ребята кинулись к шкафу, но Андрей увёл их в коридор. Дежурная Соня стерла с доски, показала Ивашкину язык и тоже выбежала за дверь.

Мы с Ивашкиным остались наедине. Я сидела за задней партой, он — на шкафу, сидели и глядели друг на друга. Стёпа нахохлился. На лоб падала прядь волос, точно птичье перо, зубы чуть выдавались вперёд, лицо было землистое. И весь он походил на птенца, попавшего в чужое гнездо. Ему очень хотелось слезть, но он не желал неуклюже сползнуть при мне. Взобрался-то он по вдохновению, ни о чём не думая, а теперь могло и не получиться с таким блеском! Одним словом, он сидел, глядя на меня с хмурым упрямством.

— Помочь тебе слезть? — спросила я.

Он не удостоил меня ответом. И как я могла вообразить, что он согласится!

На следующем уроке читали рассказ о том, как девочка Маша шла в школу: «Мимо клуба, вдоль речки, через мост».

— А ты, Валя, как ходишь в школу?

Валя ходила мимо Леспромхоза, сворачивала около кино и сразу попадала к школьной двери.

— А ты, Стёпа?

Ивашкин вздрогнул. Он устал, ему надоело сидеть на шкафу, он не ждал вопроса. Приподняв голову и посмотрев на Андрея, он вяло ответил:

— Я всегда хожу прямо.

Урок продолжался, а я всё глядела на этого мальчишку, который привык ходить прямо.

Когда опять зазвенел звонок, Андрей повернулся к Ивашкину, протянул руку и сказал, как ни в чём не бывало:

— Прыгай!

Поколебавшись долю секунды, Стёпа принял руку и, опёршись на неё, легко прыгнул со шкафа.

— А ему ничего за это не будет? — спросила дежурная Соня. — За то, что он на шкаф влез?

— Давай, надерем ему уши, — ответил Андрей.

...Мы увиделись с Андреем только вечером, дома.

— Ты молодец, — сказала я, — ты здорово придумал — не обращать на него внимания.

— Это не я придумал. Это придумал Семён Афанасьевич. Я всегда до смерти хотел его удивить, а он нипочём не желал удивляться.

1959

ШКОЛЬНЫЙ КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД

30 мая 1958 года, когда учащиеся 10-х классов писали экзаменационное сочинение, в Речицкую среднюю школу приехал заведующий Раменским районом Московской области Иван Степанович Смирнов, и между ним и директором школы Константином Устиновичем Цымбалюком произошёл примерно следующий разговор.

— Ну как, — спросил зав. районо, — экзамены начались нормально? Все десятиклассники явились?

— Всё идёт хорошо, — ответил директор школы. — В отношении десятых классов действуем согласно утверждённой инструкции, а вот что делать с девятиклассниками...

— Как что? Дело, по-моему, ясное: летняя производственная практика.

— Практика-то практикой, да не хочется, Иван Степанович, снова посылать учащихся туда, где они были в прошлом году. У нас в селе три фарфоровых предприятия, на двух из них девятиклассники работали в прошлом году, работали они и в колхозе, ну а теперь — снова на фарфоровое предприятие? Снова шлифовка цоколей, оправка изделий? Дело это несложное, но уж очень

узкоспециальное, применяемое только в фарфоровой промышленности. А много ли таких заводов в стране?

— Я Вас понимаю, — улыбнулся зав. районо. — А почему Вы забываете о своём кирпичном заводе? Ведь учебная программа предусматривает практикумы и по кирпичу. Наши ребята иногда недооценивают этот строительный материал. И только когда столкнутся с ним вплотную, поймут, какое огромное значение он имеет для нашей страны. Ваши ученики на кирпичном заводе когда-нибудь работали?

— Одиночки каждое лето туда просят, но организовано мы там практики не проходили.

— А Вы попробуйте. И знаете что? На базе кирпичного завода создайте на период летней производственной практики свой школьный цех по изготовлению собственного кирпича для нужд, скажем, школ нашего района. Кирпич мы будем брать за деньги, труд ребят хорошо оплатим. Если будет тяжело освоить весь процесс изготовления кирпича, то освоите какую-нибудь часть этого процесса: скажем, изготовление сырца или обжиг кирпича.